

"Двенадцать лет назад... ты ведь знаешь, что демон-лис был запечатан?"

Наруто всего двенадцать, он всего лишь ученик, причем довольно плохой, но он знает.

По крайней мере, голос не помог - он затих, как Наруто заметил, когда речь заходила о событиях последних лет. Поэтому он приостановился, настороженно наблюдая за Мизуки. Теперь он знает технику Теневого Клона, что немного успокаивает, и хотя она все еще не так удобна, как его Штормовые Клоны, это, по крайней мере, козырь в рукаве.

Не то чтобы он сильно нуждался в нем, думает он, наблюдая за тем, как Мизуки ухмыляется, усмехается и принимает позу, а его разум мчится вперед, подсчитывая шансы. Они хороши.

(Потому что Наруто может считать их снами, может просто отмахнуться от того, что он там узнает, но он все равно узнает. Он может быть генином, но где-то там, под повседневными мыслями, дремлют знания Каге, которые только и ждут, чтобы к ним обратились. Великий Каге, даже среди своих сверстников, а Наруто, генин он или нет, прожил две жизни. Днем - деревенский проказник и изгой, а ночью - гений и любимое дитя, несмотря на то что он все еще сирота, все еще крикливый и импульсивный мальчишка. А потом - вспышки, маленькие отрезки времени, когда он - Узукаге, сильный и гордый. Две жизни, наложенные друг на друга и связанные воедино самим Наруто, и даже если это всего лишь сны, они все равно имеют силу, влияние. И этого достаточно, чтобы перевесить все шансы в его пользу).

И тут Мизуки смеется над ним, ехидно ухмыляется и говорит: "Правило гласит, что никому не позволено говорить о том, что ты - Кюуби-но Кицунэ".

Мито-сама, машинально думает Наруто, и в который раз не может понять, кто это - он или Араши. Может, между ними вообще нет никакой разницы? Только воспоминания, и вот это...

Джинчуурики, подумал он, и это все объясняет. Все, о чем он когда-либо задумывался, и даже больше. Все эти взгляды, шепоты, дети, которых оттаскивают за руку, все эти холодные взгляды, взгляды и маленькие кусочки жестокости, которые он никогда не мог понять. Это слово звучит в его голове, как колокол, как колокол, который звонит по Узушио, сообщая час. И конечно, конечно, если это правда - ведь он знает это слово, джинчуурики, знает его так же хорошо, как имя Мито, и понимает все, что оно означает, все, что оно подразумевает, и если то, что он помнит об этом, правда, то, возможно, и все остальное тоже правда.

От этой мысли... захватывает дух.

(Я убил, думает он в слабом, неясном ужасе, вспоминая тела на приливе, кровь, окрашивающую море, когда собираются грозовые тучи и океан бушует по его воле. Я убил их всех. Я никогда никого не убивал, но я убил целую армию. Что это дает мне?)

И вот перед ним Ирука, истекающий кровью, раненый, умирающий, и все, что Наруто может думать, - это мой дорогой человек. Этот человек - все для меня. Я уже потерял всех остальных

в этом мире снов, потому что их никогда нет рядом, когда я просыпаюсь, и я не позволю тебе забрать у меня Ируку-сенсея.

Он бросает последний, быстрый взгляд на лицо Ируки, затем подбирает под себя ноги и пускается в бегство. Расстояние, расстояние и возможность сражаться, и если он выйдет из этого живым, то будет отрабатывать все дзюцу из своих снов в реальном мире, сколько бы людей они ни убили, отрабатывать до тех пор, пока они не начнут вылетать из ушей, и тогда его больше никогда не застанут врасплох, как сейчас. Никогда, никогда больше не придется рисковать потерей одного из самых дорогих ему людей. Никогда. Не так, как это было во сне, в огне, крови и мечах, когда Наруто отбросили с передовой и загнали в угол, разрубив вероломством и безжалостностью.

Никогда, клянется он себе, и бежит.

Мизуки преследует его, преследует Ирука, пока тот не осознает свою ошибку, и тогда...

"Ты прав", - говорит Ирука, и Наруто замирает, лед застывает в его груди.

Но Ирука встречает взгляд Мизуки, упрямый и сильный, и продолжает: "Демон-лис так бы и поступил, но Наруто - другой. Я уже признал его одним из своих лучших учеников. Может быть, он не самый трудолюбивый, неуклюжий, и никто его не принимает, но... он уже знает, что такое чувствовать боль в сердце. Он не демон-лис".

Всего один человек признал это, один человек из целой деревни увидел это, но...

Разве этого недостаточно?

Удар ногой, который Кагами отрабатывала так много раз, что это уже практически мышечная память, выбивает сюрικен из рук Мизуки и бросает его на землю, а Наруто стоит над ним, глядя вниз.

"Не смей, - злобно говорит он, - трогать Ируку-сенсея. Я убью тебя".

Может, это Араши в его голове, хотя шепот тихий, а может, это все Наруто, а может, между ними вообще нет разницы. Но Наруто поднимает руки вверх, пальцы складываются в знаки, одновременно странные и знакомые, и его тело разделяется на две части. Клон отпрыгивает назад и оказывается прямо перед Ирукой, в то время как оригинальный Наруто падает на одно колено, хлопнув рукой по земле.

"Суитон", - рычит он и чувствует, как чакра поднимается волной. "Штормовое потрясение".

Водопад, вздымающийся вокруг и позади него, а затем обрушивающийся на Мизуки, не оставляет абсолютно никаких шансов уклониться от него. В безопасности только Наруто,

призыватель, и Ирука, растянувшийся прямо у спины его Штормового Клона.

Когда все рассеивается, вода превращается в чакру, просачивается в землю и снова исчезает, Наруто поднимается на ноги и осматривает результат. Мизуки лежит на земле совершенно неподвижно, и с такого расстояния Наруто не может понять, дышит он еще или нет. Часть Наруто - та, что помнит войну, тела и кровь на приливе - надеется, что да, но остальная часть - та, что думает о драгоценных людях и Ируке, неспособном защитить себя, - не особо беспокоится.

"Вы в порядке, Ирука-сенсей?" - спрашивает клон, протягивая руку к чуунину.

Ирука моргает, смотрит на него, потом на его руку и медленно кивает. Он берет ее, позволяя клону подтянуть его к себе, и просто наблюдает, как буншин ухмыляется и небрежно отдает честь, а затем прыгает на ближайший ствол дерева и поднимается в воздух. Пульсация чакры, мысль, и Наруто поворачивается лицом вверх как раз вовремя, чтобы увидеть, как клон поднимается над верхушками деревьев и взрывается в потоке воды и ветра. Этого должно быть достаточно, чтобы привлечь внимание всех, кто ищет его, если не считать предыдущего водопада.

Только после этого он подходит и осматривает Мизуки, которая все еще дышит, хотя и немного побита. Он слегка поморщился, потому что это было дзюцу ранга А, которое Узукаге всегда использовал, и, вероятно, оно было слишком сильным для инструктора Академии чуунинов.

"Упс", - пробормотал он, но это не помешало ему упасть на колени и связать руки и ноги Мизуки его собственной ниндзя-проволокой.

Ирука наблюдает за ним с теплыми темными глазами и, когда Наруто закончил, тихонько зовет: "Наруто, подойди сюда. Я хочу тебе кое-что подарить".

Хитай-атэ - это хорошо запомнившийся груз, теплый, немного потрепанный, но от этого еще более дорогой. Наруто поднимает руку, чтобы прикоснуться к нему, проводит пальцами по стилизованному листу, выгравированному в центре, и закрывает глаза. Это не та спираль, которая, по его мнению, должна быть, но...

Это правильно, потому что нет ни одной жизни, ни одного момента времени, когда он не был бы шиноби. Нет времени, когда он не сможет защитить тех, кто ему дорог, так, как он сделал это сегодня.

Никогда, и уж точно не сейчас.

(И если для этого ему придется убить, пусть будет так. Ему это никогда не понравится, он никогда не смирится с этим, если не исчерпаны все другие возможности, но...

Он помнит солдат у ворот, мирных жителей, убитых на улицах, и кровь в сточных канавах, помнит свой народ, оказавшийся во власти безжалостного захватчика, и знает.

Все, что угодно, потому что они мне дороги).

<http://tl.rulate.ru/book/105581/3754779>